

КИБЕР ДОК

ПЕРВАЯ

СРОЧНОСТЬ

18+

Кибер Док
Первая срочность

«Автор»

2026

Док К.

Первая срочность / К. Док — «Автор», 2026

Каждый сотрудник скорой помощи знает: самые опасные вызовы невозможно определить по карте вызова. Повод «Без сознания» не предвещал ничего необычного, но через несколько минут после прибытия бригада оказалась в заложниках. Рассказ, основанный на реальных событиях, о цене профессионального долга, человеческом отчаянии и одном вызове, который невозможно забыть.

Содержание

Глава "Без сознания"	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Первая срочность

Глава "Без сознания"

Все персонажи, события и организации в этом тексте являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, а также с реальными событиями — случайны и непреднамеренны.

Лето 2021 года выдалось на удивление жарким. Казалось, что солнце окончательно забыло о существовании облаков и уже несколько недель подряд безжалостно выжигало город, превращая серый асфальт в раскалённую плиту, от которой поднимались дрожащие волны горячего воздуха, а металлические кузова автомобилей нагревались настолько сильно, что к ним было невозможно прикоснуться голой рукой. Даже привычный запах подстанции скорой помощи в такие дни менялся: вместо прохлады бетонных стен и свежесваренного чая в коридорах чувствовалась смесь раскалённого металла, автомобильной резины, медицинского спирта и той особенной усталости, которая появляется уже к середине смены, когда впереди ещё целые сутки работы.

Это были мои далеко не первые сутки на скорой помощи, однако опыта тогда всё равно было значительно меньше, чем сейчас. Каждая смена продолжала чему-то учить, каждый вызов заставлял делать новые выводы, а каждое принятое решение ещё долго прокручивалось в голове после возвращения домой. Именно поэтому я до сих пор хорошо помню тот день, словно он произошёл совсем недавно.

В тот день я работал вместе с фельдшером Анной, хотя все на подстанции называли её просто Аней. Она никогда не стремилась быть самой громкой в коллективе, не рассказывала бесконечные истории о собственном профессионализме и не пыталась производить впечатление на молодых сотрудников. В её характере вообще не было ничего показного. Она относилась к тем людям, чья уверенность рождается не из громких слов, а из ежедневной работы, поэтому рядом с ней всегда становилось спокойнее, даже если вызов обещал быть далеко не самым простым.

На первый взгляд Аня совсем не походила на человека, которому приходится ежедневно сталкиваться с человеческой болью, смертью и чужим горем. Невысокого роста, светловолосая, с аккуратными собранными волосами и мягкими чертами лица, она скорее производила впечатление человека, которого хочется встретить где-нибудь в уютной кофейне, чем на лестничной площадке во время экстренного вызова. Добрая улыбка почти никогда не сходила с её лица, а в глазах всегда читалось спокойствие, которое невозможно сыграть – оно появляется только после сотен выездов, бессонных ночей и десятков сложных решений, принятых за считанные секунды.

Форма сидела на ней всегда аккуратно, будто она только что получила её со склада, хотя за плечами уже были бесконечные смены, десятки литров дождя, летняя жара и московская зима. На плече неизменно висела медицинская сумка, а планшет на длинном ремне постоянно бился о бедро во время быстрой ходьбы, став такой же привычной частью её образа, как фонендоскоп или медицинские перчатки в кармане куртки, хоть и сейчас планшет был моим.

Она уже давно перестала быть молодым специалистом, который волнуется перед каждым тяжёлым пациентом, но до тех сотрудников, про которых на подстанции говорили: «Он работает здесь ещё с прошлого века», ей было ещё далеко. Именно такой возраст и такой опыт казались мне тогда идеальными для скорой помощи. За её плечами уже было достаточно вызовов, чтобы не поддаваться панике и принимать решения с холодной головой, но при этом она ещё не потеряла самое главное – человеческое отношение к каждому пациенту. Даже после самой тяжёлой смены Аня никогда не позволяла себе разговаривать с людьми грубо или безразлично.

Она умела успокоить одним предложением, поддержать родственников одним взглядом и при этом оставаться собранной в ситуациях, когда вокруг начиналась настоящая паника.

Нашей машиной тогда была добрая «Машка» – белый Форд, который знала, наверное, каждая бригада нашей подстанции. Она уже успела повидать многое за свою жизнь: бесконечные километры московских дорог, зимние заносы, летний зной, ночные вызовы, десятки тысяч пациентов и сотни экстренных выездов с включёнными проблесковыми маяками. Где-то внутри салона постоянно что-то тихо поскрипывало, кондиционер работал скорее по настроению, чем по инструкции, а двигатель иногда заводился с таким звуком, словно заранее предупредил нас, что сегодняшний день лёгким точно не будет. Несмотря на возраст, мы любили эту машину, потому что она ещё ни разу не подвела нас тогда, когда от нескольких лишних минут действительно могла зависеть человеческая жизнь.

К обеду смена уже успела порядком вымотать нас. За плечами оставалось несколько вызовов различной сложности: где-то пришлось госпитализировать пожилого мужчину с подозрением на инфаркт миокарда, где-то успокаивать испуганную девушку после панической атаки, а ещё через час ехать к ребёнку с высокой температурой, которая, к счастью, оказалась обычной вирусной инфекцией. Казалось бы, ничего необычного, обычные будни скорой помощи, но именно такие вызовы незаметно забирают силы гораздо быстрее, чем одна большая катастрофа.

Когда диспетчер наконец разрешил нашей бригаде отправиться на законный тридцатиминутный обед, мы оба облегчённо переглянулись. За всё утро это были первые минуты, когда можно было позволить себе просто спокойно сесть за стол, снять перчатки, сделать несколько глубоких вдохов и хотя бы ненадолго перестать думать о сиренах, диагнозах и времени доезда.

Мы только успели открыть контейнеры с едой. От горячего супа поднимался лёгкий пар, Аня налила себе чай и, улыбнувшись, сказала, что если за ближайшие полчаса не поступит первая срочность, то этот день уже можно считать удачным. Я усмехнулся, прекрасно понимая, что на скорой помощи подобные слова обычно работают, наоборот.

Словно услышав наш разговор, динамик громкой связи, висевший под потолком диспетчерской, неожиданно ожил характерным треском.

– Бригада двести двенадцать, примите вызов.

Подстанция мгновенно затихла.

Мы оба подняли головы ещё до того, как прозвучало продолжение.

– Первая срочность. Повод к вызову: «без сознания в квартире».

Я машинально посмотрел на часы.

С начала нашего законного обеда прошло не больше семи минут.

Аня тяжело выдохнула, закрыла контейнер с едой и спокойно произнесла:

– Ну что, пошли работать, даже поесть не дают.

Мы одновременно поднялись из-за стола. Недоеденный обед так и остался стоять на кухне подстанции, постепенно остывая, а мы уже привычными движениями натягивали куртки, проверяли укладки, хватали дефибриллятор, планшет и практически бегом спустились по лестнице к ожидавшей нас Машке, даже не подозревая, что через несколько минут окажемся в ситуации, после которой ещё очень долго будем вспоминать этот вызов с тяжёлым чувством внутри.

Мы практически бегом выскочили из здания подстанции. Горячий воздух сразу ударил в лицо, а раскалённый белый кузов нашей «Машки» ярко блестел под июльским солнцем. Водитель уже ждал нас за рулём, прекрасно понимая, что первая срочность не терпит ни лишних разговоров, ни промедления.

Я привычным движением распахнул переднюю пассажирскую дверь и запрыгнул на своё место справа от водителя, одновременно пристёгиваясь и открывая планшет с карточкой вызова. Аня, не теряя ни секунды, открыла боковую дверь и скрылась в медицинском салоне,

где сразу начала проверять укладку, дефибриллятор и всё необходимое на случай, если по приезде счёт действительно пойдёт на минуты.

– Двести двенадцать, выехали, – доложил я диспетчеру, едва успев закрыть дверь.

В ту же секунду двигатель громко зарычал, проблесковые маяки вспыхнули ярким синим светом, а сирена разорвала раскалённую летнюю тишину, заставляя автомобили впереди медленно освобождать нам дорогу. Я открыл карту вызова и ещё раз внимательно пробежался глазами по тем немногим строкам, которые успел передать диспетчер.

«Женщина, шестьдесят два года. Без сознания. Не дышит.»

Никаких подробностей.

Ни времени, когда её нашли.

Ни информации о хронических заболеваниях.

Ни сведений о том, проводилась ли сердечно-лёгочная реанимация до нашего приезда.

Только красная отметка «Экстренный», означавшая, что каждая минута сейчас может оказаться решающей.

Пока водитель уверенно пробирался сквозь плотный поток автомобилей, я не отрывал взгляда от планшета, словно надеялся, что в карте вызова появится хоть какая-нибудь новая информация, которая поможет понять, с чем именно нам предстоит столкнуться. Но экран оставался практически пустым.

Повод – «без сознания». Первая срочность. Квартира. Всё. Иногда диспетчер действительно не знает ничего, кроме нескольких слов, которые успел прокричать в трубку взволнованный вызывающий, поэтому остальное приходится выяснять уже на месте.

Из медицинского салона выглянула Аня.

– Что-нибудь добавили?

– Нет. Всё так же. Женщина, без сознания.

Она тяжело вздохнула и снова скрылась за перегородкой, продолжая готовить оборудование. За годы работы у неё выработалась привычка делать всё заранее. Если по приезде окажется остановка кровообращения, то каждая секунда, потраченная на поиски дефибриллятора или амбу-мешка, может стоить человеку жизни.

Я же мысленно перебирал возможные варианты. Острое нарушение мозгового кровообращения. Инфаркт миокарда. Тромбоэмболия лёгочной артерии. Тяжёлая гипогликемия. Передозировка лекарственными препаратами.

Любой из этих диагнозов мог скрываться за двумя словами «без сознания», и пока автомобиль с включёнными проблесковыми маяками мчался по городу, никто из нас даже представить не мог, что бороться придётся совсем не за пациента.

Через несколько минут мы уже сворачивали во двор обычного девятиэтажного дома. Ничего необычного вокруг не было. Дети продолжали играть возле подъезда, кто-то выгуливал собаку, на лавочке сидели пенсионерки, обсуждая свои дела, словно в этом доме не происходило ничего страшного. Лишь один мужчина, заметив машину скорой помощи, сорвался с места и почти бегом направился к нам.

Лицо его было бледным, волосы растрёпаны, футболка прилипла к телу от пота, а в глазах читался не просто страх, а настоящая паника человека, который уже не понимает, что происходит.

– Скорее... скорее... она дома... она не дышит...

Я открыл дверь автомобиля ещё до полной остановки. Аня уже вышла из медицинского салона с укладкой и кислородом, а водитель остался ждать нас внизу.

Взял дефибриллятор, ЭКГ, реанимационный набор.

– Как давно она без сознания? – спросил я на ходу.

Мужчина замялся.

– Не знаю... наверное... давно... Мы думали, что она спит... Потом стали будить...

Это «давно» мне сразу не понравилось.

Мы быстро поднялись по лестнице на четвёртый этаж. Уже на лестничной площадке стало понятно, что в квартире находится очень много людей. Сквозь открытую дверь доносились громкие голоса, женский плач, чей-то крик и звук работающего телевизора, который почему-то никто не догадался выключить.

Когда мы вошли внутрь, разговоры мгновенно прекратились.

В небольшой комнате находилось человек четырнадцать, не меньше. Родственники стояли вдоль стен настолько плотно, что между ними практически невозможно было пройти. Кто-то плакал навзрыд, кто-то молча смотрел в пол, кто-то непрерывно ходил из угла в угол, а несколько человек сразу расступились, освобождая нам дорогу к женщине, лежавшей на полу возле дивана.

Мы с Аней одновременно опустили на колени.

Я осторожно запрокинул голову пациентки, пытаясь убедиться в отсутствии дыхания, после чего проверил пульс на сонной артерии.

Ничего.

Аня тем временем быстро оценивала остальные признаки.

Она прикоснулась к коже предплечья.

Потом к шее.

Затем внимательно осмотрела открытые участки тела.

Наши взгляды встретились. Я видел, что она увидела то же самое, что и я.

Выраженные посмертные изменения не оставляли никаких сомнений. Женщина умерла не несколько минут назад и даже не полчаса назад. По всем объективным признакам с момента смерти прошло уже значительное время, а значит проведение сердечно-лёгочной реанимации не могло изменить исход.

Я медленно поднялся с колен, снял перчатки и, стараясь подобрать максимально спокойные слова, повернулся к родственникам.

– Примите наши соболезнования... К сожалению, мы констатируем смерть...

Договорить мне не дали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.